

НИК ПЕРУМОВ

ВОЙНА МАГА КОНЕЦ ИГРЫ

ТОМ 4 ЧАСТЬ 2
Летописи разлома

Ник Перумов
Война мага. Том 4.
Конец игры. Часть 2
Серия «Миры Упорядоченного»
Серия «Летописи Разлома», книга 5

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=169766
Война мага. Том 4. Конец игры. Часть 2: 2022
ISBN 978-5-222-37069-8

Аннотация

История некроманта заканчивается. Заканчивается масштабно, с неожиданными поворотами в последний момент, с жертвами и с грустью.

На затерянном среди морей Эвиала островке Утонувший Краб пересекутся наконец десятки историй и сюжетных линий. В войне за судьбы миров и всего Упорядоченного сойдутся все силы. Бог встанет плечом к плечу со смертным, тёмный эльф со светлым, некромант с инквизитором.

А победить сможет даже не тот, кто обладает Мечами, из-за которых и разразилась эта борьба, а тот, кто обладает силой воли и способностью принимать нелегкие решения.

Содержание

Глава десятая	4
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Ник Перумов

Война мага. Том 4.

Конец игры. Часть 2

Глава десятая

Ещё тепло, ещё зелены берега и мягки воды широкого в нижнем течении Маэда. Здесь, на юге, куда в былые времена не дотягивалась гибельная длань Смертного Ливня, куда не дошли пираты с побережий и ещё не успели вытоптать всё козлоногие – могло показаться, что Мельинская Империя высится гордо и несокрушимо во всегдашней мощи.

Считалось, здесь оплот благородного сословия. Землю пашут не свободные общинники, как на севере, а баронские крепостные. Однако стоило Конгрегации выступить, как именно здесь она потерпела первую неудачу – в «малой войне», потому что сервы отнюдь не горели рвением отдавать жизни за обожаемых хозяев.

Сюда отступили легионы Клавдия – в край брошенных замков и самовольно захваченных баронских земель. Мятежники укрепились, как ни странно, на севере, а здесь, в южных землях, большинство простого люда горой стояло за Императора.

Во всяком случае, пока не докатились вести о разрешённых им человеческих жертвоприношениях.

Клавдий не ударил лицом в грязь. Чуть дальше от реки, по гребню холмистой гряды выстроились многочисленные когорты, сверкая начищенным вооружением, под гордо поднятыми знамёнами с коронованным имперским василиском. Начищены легионные орлы, молодцами смотрят, несмотря ни на что, центурионы, буксинщики готовы сыграть торжественную «встречу».

– Мой Император! – Проконсул отсалютовал правителю Мельина, правый кулак Клавдия впечатался в левую сторону его нагрудника, там, где сердце. – С благополучным возвращением, повелитель. Легионы выстроены для смотра.

За спиной Императора со сходен спускалась передовая манипула Серебряных Лат, привычно смыкали круг Вольные, и проконсул Клавдий смотрел прямо в глаза правителю Мельина.

– Мой повелитель, – встретив Императора привычным салютом легионов, Клавдий вдруг опустился на одно колено. – У меня плохие вести, повелитель.

– Что случилось? – отрывисто бросил Император. – Что-то... с Тарвусом?

Право же, догадаться нетрудно.

– Первый легат Тертуллий Крисп, командир Третьего легиона, прислал известие о гибели графа Тарвуса. Его светлость пал от руки наёмного убийцы. Также оказались отрав-

лены все почтовые голуби, Крисп не мог ни с кем снестись. Отправляемые мной птицы погибали в его лагере, Тертуллий подозревает какое-то чародейство, и я с ним согласен. Только сейчас прискакал гонец. Он здесь и готов всё рассказать непосредственно повелителю, если на то последует императорское соизволение.

За спиной правителя Мельина кто-то сдавленно всхлипнул – похоже, не сдержала чувств Сежес. Закалённая и хладнокровная чародейка прекрасно понимала, что такое смерть Тарвуса, одного из немногих нобилей, с самого начала вставшего на сторону Императора.

– Тарвус. Серая Лига. – Император чувствовал вскипающую ярость. – Ты уверен, проконсул? Гонец – можно ли ему доверять? Знакома ли тебе рука Криспа, как он пишет? Может ли кто-то удостоверить, что писал именно он, а не какой-нибудь маг Солея или Гарамы?

– Я могу. – Голос Сежес вновь сделался твёрд. – Пусть принесут свиток.

– В мой шатёр! – обернувшись, гаркнул проконсул. – Мой Император, у меня всё готово. Трапеза...

– Скажи мне сперва, проконсул, почему ты не выполнил прямого приказа и не двинулся на соединение с Тарвусом? С каких пор ты перестал исполнять прямые приказы, Клавдий Септий Варрон? – холодно произнёс Император.

– Да потому что, повелитель, никчёмное это дело, – решительно и твёрдо, с прежней солдатской прямоотой ответил

Клавдий. – Окажись я вместе с графом, прирезали б нас обоих, и вся недолга. Уйти на восток – значит бросить весь юг, склады, припасы, арсеналы. Куда б тогда вернулся повелитель?

– Ты не исполнил приказ, проконсул. И даже не потрудились объяснить причину.

– Не доверяю я голубям, повелитель. Тем более в таком деле. Вы вот сомневаетесь, а правда ли написана в том свитке, что гонец привёз; ну, так и я тоже усомнился в этом приказе. Нет в нём никакого смысла. Погибельный он. На том стою.

– Поднимись, Клавдий, хватит коленопреклонений. – Император оставался холоден. – Трапеза трапезой, но, сдаётся мне, тебе ещё за многое предстоит ответить.

– А я ответил, повелитель. Это простой легионер обязан, приказ получив, его исполнить, не рассуждая. А если не станут рассуждать первые легаты и консулы, то и войска очень быстро не станет. Вы же, повелитель, нам всё время твердите и твердили.

– Мятеж затеял, проконсул?

– Ни за что, повелитель. Но с юга уходить всё равно нельзя. Мы с Тарвусом, мир его праху, держали баронов с двух сторон, как ухватами. Они и двинуться никуда не могли – другое войско, того и гляди, в спину зайдёт.

– А теперь?

– Теперь, повелитель? Теперь всё понятно. Двигать на Ме-

льин. С полудня мы, с восхода Тар... то есть Тертуллий. Конгрегации останется ни с чем убираться обратно на север. Может, и штурмовать столицу не придётся.

– Если это нам позволят козлоногие.

– Козлоногие, повелитель, что-то встали последнее время. Может, по той причине, что рассказал молодой барон Аастер, может, ещё отчего-то. Мы простые легионеры, не маги. Но вперёд твари пока не лезут. А раз так, надо покончить с тем врагом, с каким можем. Сломаем хребет мятежу – вновь повернём против Разлома.

* * *

Что-то не так, терзался Император, лёжа ночью без сна. Рядом точно так же бодрствовала Тайде, она не смыкала глаз, если не спал её Гвин.

– Клавдий...

– Что-то не так. Что-то случилось, – подхватила Сеамни, точно ждала этих слов. Ароматные волосы шёлковой волной накрыли лицо Императора, губы Дану оказались возле его уха:

– Почему убили Тарвуса? И оставили в живых Клавдия?

– В том числе и для того, чтобы мы задались бы этим вопросом, – так же еле слышно шепнул Император. Близость тёплого тела, нечеловечески гладкая кожа навевали совсем иные мысли, под которые подобный разговор вообще невоз-

можен.

– Вопросом, не изменил ли он?

– Да. Если Серая Лига рискнула выступить на стороне Радуги и баронов, то...

– То почему они действительно не убили обоих сразу? Не нашлось, кого послать? Но вот Сертория-то они достали... А если прикинуть расстояние...

– Клавдий был им нужен. Зачем-то. Живым. – Решительности Императору было не занимать.

– Ты так уверен, Гвин?

– Я ни в чём не уверен теперь, Тайде. Но если Радуга дотянулась до Тарвуса и потом не сделала даже попытки покончить с Клавдием, – это странно.

– Если маги попытаются купить проконсула, они очень погорят на этой сделке, – с непреодолимой уверенностью заявила Сеамни.

– Ты настолько убеждена?

– Да. И не вздумай сомневаться в Варроне, что бы он ни сделал.

* * *

Тревога поднялась на следующий день к вечеру; Император успел побывать во всех легионах, заглянуть в солдатские котлы, не пряча от воинов кровоточащую левую руку. Мол, кровит и кровит, я и в ус не дую, так что и вам нечего бес-

покоиться.

К восточной армии – теперь уже Тертуллия, не Тарвуса! – помчались спешные гонцы. И крылатые, и верхами. Оказавшемуся во главе войска первому легату предписывалось наступать прямо на Мельин.

Готовились к походу и в лагере Клавдия. Собрана немалая сила; к пяти легионам проконсула добавились Серебряные Латы, лучшие воины Империи и гномий хирд Баламута, едва ли им в чём-то уступающий. Козлоногие стояли; самое время покончить с баронской смутой. Лучше всё-таки иметь только одного врага. Даже если силы и возможности этих врагов несопоставимы.

Клавдий вновь стал прежним. Его неповиновение – показное, если разобраться – Император не забыл. Подобного он не забывал никогда. И такой уж каменно-несокрушимой правоты в отстаиваемой проконсулом позиции правитель Мельина не видел. Да, оставаться здесь имело свои преимущества. Но и объединить две разорванные армии тоже необходимо. К счастью, бароны не в состоянии оказались разбить их по частям.

Но Тарвус, Тарвус! Можно вздохнуть «какая потеря», а можно молчать, сжимая зубы и стараясь отделаться от укоризненного взгляда верного соратника, который теперь навсегда с тобой, и укор его – тоже навсегда.

Не защитил и не уберёг. И не говори «а как же я мог?!». Мог. Отдав другие приказы. Не оправдывая себя и не кайся

перед другими – Император всегда прав – только не лги себе и не отшвыривай собственные чувства.

Маги что-то задумали. Что ж, постараемся устроить всё так, чтобы они перехитрили самих себя. Это станет лучшей местью за графа.

...Кучка козлоногих вдруг сбросила оцепенение и, оставив далеко позади «фронт» вторжения, движется прямо к лагерю Клавдия – принёс известие всё тот же барон Марк Аастер. Пареньку, похоже, несказанно везло на подобное. Прощлый раз своими глазами видел резню детишек, этот – натолкнулся на перешедших Маэд тварей.

– Я распорядился выслать отряд. – Клавдий уверенно-успокоительным жестом вскинул руку. – Повелителю незачем беспокоиться.

– Когда это я не беспокоился и когда посылал других на верную смерть? – возмутился Император. – Задержи наших людей, проконсул. Мы отправимся с ними.

– Я тоже, – тотчас заявила Сеамни.

– Ты? – повернулся Император. – Но это...

Он осёкся, посмотрев в глаза Дану.

– Не стоит сажать меня под замок, повелитель, – дерзко бросила девушка.

Император только скрипнул зубами. Его Тайде отличалась поистине непреклонной волей.

– Хорошо. Но только с моим эскортом. Ни шагу в сторону, понятно? Кер-Тинор, прошу тебя особо позаботиться...

– Повелителю не требуется объяснять мне это, – гордо поклонился Вольный.

– А меня? А я? – возмутилась Сежес. – Мне что, предлагается остаться в лагере и, может, заняться постирушками?..

...Что это, разведка? – недоумевал Император, трясаясь в седле. С левой руки всё так же срывались тяжёлые и тёплые капли, ночь подхватывала их, словно расторопный слуга, поспешно уносила прочь. Бестии Разлома никогда раньше так не действовали. Они просто валили валом, их не занимали никакие стратегические или, паче того, тактические ухищрения. И тут небольшой отряд, два десятка – что им тут делать, тем более за Маэдом?

Ночь набросила на речные берега лёгкую вуаль первого сумрака; раньше в такие времена добрые люди, закончив дневные дела и затеплив – по достатку – кто лучину, кто единственную свечу, а кто и целую их люстру, садились, брали на колени набегавшихся к вечеру детей и – кто слушал сказку, кто её рассказывал, но все одинаково смотрели на живое пламя и благодарили про себя прошедший день.

Теперь благодарить некого. Да и детей теперь небось прячут по погребам и лесным заимкам.

...Императора окружал привычный эскорт – Вольные, в их кольцо – Сеамни и Сежес, Кер-Тинор – подле самого стремени правителя Мельина. Впереди, рассыпавшись, ровной, сберегающей силы коней рысью шли четыре полнокровных турмы конных лучников. Гномы остались в лагере, несмотря

на шумное возмущение Баламута.

– Ты уж там поосторожнее, государыня моя, – услышал Император слова, вполголоса сказанные гномом чародейке Сежес. Та ничего не ответила, даже не возмутилась, только молча кивнула.

Выступили. Лагерь остался позади, огни костров, запах наваристой похлёбки – Клавдий выгребал последние запасы, но людей кормил досыта. Войне всё равно предстояло очень скоро закончиться, так ли, иначе, но ещё годы она уже не продлится – если, конечно, козлоногие так и не останутся там же, где сейчас.

– Как они перебрались через реку, барон? – окликнул Император молодого Аастера. – Где ты точно их обнаружил?

– Как раз и обнаружил, когда они реку переплывали, пособачьи, но быстро, повелитель. – Аастер послал коня ближе к надменно-молчаливому кольцу Вольных. – Вылезли, отряхнулись и дальше. – Юноша помедлил и осторожно добавил: – Может, не стоит вам-то самому, повелитель? С двумя десятками мы бы...

Император только покачал головой. Нет, это он обязан увидеть лично, своими глазами. Козлоногие никогда так себя не вели. Что-то случилось. С ними ли, нет – он обязан выяснить. После взрыва пирамиды правитель Мельина мог надеяться не только на простые человеческие чувства.

Как бы только цена не вышла неподъёмной.

Берега Маэда в нижнем течении густо покрывали селения,

покосы спускались к самой воде; почти вся земля распахана, лоскуты лесов сохранены лишь строгими указами прежних императоров, запретивших новые порубки и росчищи под страхом мучительной казни. Конечно, двум десяткам козлоногих есть где укрыться, и на этот случай с преследователями отправилось три дюжины свирепых легионных псов, издавна служивших сторожами при воинских лагерях.

И собаки не подвели, взяв след возле самой реки. Козлоногие направлялись прямо на восток, никуда не сворачивая.

– Что, там для них мёдом намазано, что ли? – вслух удивилась Сежес.

В самом деле, в этой войне ведь нет ни ключевых крепостей, ни важных мостов. Тварей Разлома может остановить только океан, да и то неведомо, на какой срок.

Кавалерийские турмы растянулись полукольцом, словно при загонной охоте. Сежес, в мужской одежде, придерживала поводья одной рукою, другой водила перед собой, что-то бормотала – время от времени на Императора накатывали тёплые волны, чародейка готовила какое-то заклинание.

– В лес улепетнули, повелитель! – подскакав, крикнул один из псарей. – Во-он туда!

– Не надо туда, – вдруг схватила Императора за плащ Сеамни.

– Брось, Тайде, – улыбнулся правитель. – Мы в таких безднах с тобой побывали – что нам этот лесок?!

Нет, подумал он, я войду туда сам. Если у кого-то и есть

шансы справиться с бестиями один на один, так это у меня или Сежес.

Зажатый меж двумя просёлками, острый клин буков и грабов вытянулся с севера на юг, будучи в ширину, наверное, не более двух лиг. Есть где собирать грибы или хворост, но не отсиживаться хоть сколько-нибудь долгое время.

Храбрые псы, удерживаемые поводками, рычали и рвались в бой. След козлоногих, никуда не сворачивая, нырлял прямо в подрост, и здесь собаки уже не требовались – на влажной земле остались многочисленные отпечатки раздвоенных копыт, ветки обломаны, листья сбиты.

Псы ярились, а вот кони пугались, Император отдал команду спешиться. Пробираться по чаще верхами часто вообще невозможно, здесь почищенный и прореженный лес такое бы позволил, но лучше не рисковать.

Выставлены короткие копья. Люди невольно жались друг к другу – все кавалеристы побывали у Разлома и помнили, что такое атака козлоногих.

Император понимал, что настоящей загонной охоты тут не устроить. Тварей придётся брать грудь на грудь.

...Первыми ринулись бесстрашные собаки, так рванувшись с поводков, что псары выпустили кожаные ремни. Миг спустя из сгущающейся мглы, из неглубокого овражка прямо на острые копейные наверхия выскочили два десятка уродливых тварей Разлома.

С Императором шли бывалые и тёртые бойцы, совсем

недавно сражавшиеся с Семандрой и на Ягодной гряде. Они успели сомкнуть ряды и принять первый, самый страшный натиск вовремя опущенными копиями.

Что-то выкрикнула Сежес, в овраге загудело пламя – чародейка предпочитала не рисковать и пользовалась однажды проверенным средством.

Но и козлоногие кое-чему успели научиться. Они атаковали клином, первые три твари свалились, с разгону насадив себя на копия, однако следующие пятеро перемахнули через падающих собратьев и в один миг расшвыряли спешенных всадников, не успевших выдернуть древки из насквозь пробитых тел.

Из оврага вынеслось несколько бестий, с головы до ног охваченных огнём; но оставшаяся дюжина смяла первую шеренгу и оказалась лицом к лицу с Вольными.

Император видел, как молодой Аастер с размаху рубанул оказавшегося к нему боком козлоногого, видел, как брызнула тёмная кровь и как тварь, перед тем, как повалиться, так лягнула молодого барона прямо в грудь, что тот отлетел, рухнул и уже не поднялся.

Козлоногие бились поистине «как безумные», не стараясь защитить себя, рвали когтями, били тяжёлыми копытами, с лёгкостью отшвыривая оказавшихся у них на пути; Вольные, несравненные бойцы, не дрогнули и не отступили ни на шаг, однако их кольцо оказалось прорвано в считанные мгновения. Кер-Тинор лихо закрутил головокружительную мель-

ницу парой кривых сабель, так, что сразу от двух тварей полетели в разные стороны кровавые брызги – их, к сожалению, было не убить одним ударом.

Император обнажил собственный меч, закрывая Тайде. Его воины превосходили козлоногих числом, храбрости людям тоже было не занимать, и кольцо сомкнулось вновь, уже вокруг самих тварей Разлома, превратившихся из охотника в добычу; победа близка, Сежес вновь что-то выкрикивает, скидывает руку – с небес на козлоногих падает огненная сеть; сама чародейка, правда, обессиленно клонится, Сеамни успевает её подхватить, тут же резко размахивается, словно сжимая невидимый клинок; дальнейшего Император не увидел, потому что иссечённая, окровавленная тварь играючи отшвырнула Кер-Тинора и, несмотря на вспоротое горло, выбросила обе лапищи, целясь когтями в голову правителя Мельина. Император полоснул наотмашь, рядом возник помятый, но не утративший решительности Кер-Тинор, сабли Вольного запели, и рогатая башка слетела с плеч; однако из охваченного пламенем оврага, на бегу пытаясь сбить пламя, выбегали новые твари, и Император понял, что завёл своих людей в ловушку.

Козлоногие дали разведчикам увидеть небольшой отряд, а сами, наверное заранее, укрыли в том же лесу куда большие силы.

Поддерживаемая Сеамни чародейка тем временем сумела выпрямиться, огненные копья вынеслись из оврага, ра-

зя козлоногих в спины и пронзая насквозь; но бестий оказалось слишком много и строй защитников Императора рухнул, твари просто разбросали людей в разные стороны. Не меньше трех десятков созданий с опалённой, местами дымящейся шерстью оттеснили Вольных, несмотря на всё их искусство; рядом с правителем Мельина остались только Сеамни, поддерживавшая бесчувственную волшебницу, Кер-Тинор да проконсул Клавдий.

Лес дрожал от криков, гудения пламени, ночная тьма не дерзала вползти под густые кроны, белая перчатка на левой руке разогрелась сама собой. Козлоногие напирали со всех сторон.

– Бежим, повелитель! – Клавдий решительно потащил Императора за собой.

– Нет! Ума лишился, проконсул!..

– Вовсе нет, – лицо Клавдия сделалось совершенно непроницаемым. – Вовсе нет... мой Император.

В левой руке проконсул сжимал недлинную, но увесистую булаву, увенчанную гладким шаром; правитель Мельина и глазом моргнуть не успел, как оружие взлетело и, описав дугу, врезалось аккуратно в боковину императорского шлема.

Не стало мира, не стало боли и света. Ночь наконец-то взяла своё.

Возвращение в сознание после того, как угостили булавой, – порой ещё неприятнее, чем сам удар. В глазах всё плывет, голова раскалывается от боли и кружится, подступает мерзкая тошнота.

Связанный и обезоруженный, Император лежал лицом вниз в мерно скрипящем возке, уткнувшись в грудку дурнопахнущего тряпья. Доспехи с него, правда, снимать не стали, удовольствовавшись сорванным шлемом. Сбоку рухлядь промокла от крови, сочившейся из левой руки; правитель Мельина заставил себя перевернуться – в небе звёзды, уже прошла добрая половина ночи. Ступают и пофыркивают лошади, а рядом к нему прижалась Тайде, тоже связанная. С другой стороны, там, где натекла кровь, – Сежес; она без чувств.

– Гвин... – Какое ж облегчение в этом выдохе!

– Тайде. Жива, – шепнул он в ответ.

– Здесь маги. Радуга. Ждут нергианцев.

– Что с нашими? Кер-Тинор, остальные?

– Не знаю, Гвин, – всё так же, одними губами. – Нас разделило во время боя. А потом... потом Клавдий ударил сначала тебя, а потом Сежес.

– Клавдий. – Внутри Императора только боль, пустота да бессильная ярость. – Предал-таки. Продал. Видать, Тарвуса

купить не смогли...

– Не надо так, – легко, словно дуновение. – Я от своих слов не откажусь. Что бы ни сделал проконсул, не обвиняй его в предательстве.

– А что ж ещё с ним делать!..

– Ничего не делать. Ждать, Гвин, ждать. Сежес они опоили, у тебя забрали белую перчатку, но зато отогнали тварей.

– Как?! Радуга способна приказывать козлоногим?

– Нет, Гвин. Куда им... наверное, опять жертвоприношение. Твари нас словно не видели, метались туда-сюда, резались со всадниками, с Вольными...

– Кер-Тинор – видел, как Клавдий меня... как проконсул предал?

– Нет, – покачала головой Сеамни. – Бестии оттеснили их чуть раньше.

– Эх, Вольные... – только и вырвалось у Императора.

– Не суди строго, – назидательно сказала Сеамни. – Ни один из них не отступил, их просто смели, словно лавиной.

– Ты словно и не в плену сама...

– Я-то? В плену, Гвин, в плену, вместе с тобой, но я верю Клавдию. Понимаешь – верю!

– А я – нет, – скрипнул зубами Император. – Он бы сказал, предупредил... мы разыграли бы «пленение», если на этом настаивали маги, и тогда...

– Оставь, Гвин. Лежи тихо и береги силы. Я чувствую, что ехать нам осталось недолго.

– А что они собрались с нами сделать, ты не чувствуешь?

– Отчего ж нет, конечно, чувствую, – совершенно спокойно ответила Дану. – Принести нас троих в жертву.

– Весело, ничего не скажешь.

– Ничего. Мы ещё увидим, кто посмеётся последним. –
Казалось, уверенность Тайде ничто не поколеблет.

Скрипит возок, ныряет по ухабам и рытвинам; не последняя ль это твоя дорога, правитель Мельина?

* * *

– Прекрасная работа, благородный господин Клавдий Септий Варрон. Уже не «проконсул» Клавдий. Правда, пока ещё и не «Император», но за этим дело не станет. Радуга неукоснительно держит данное слово.

– Пока что слово держал я. Привёз вам всех троих. Сам оглушил...

– Да, да, конечно. Но не надо забывать, что именно Радуга вместе с Нергом устроила эту засаду козлоногих. И она же лишила тварей силы, когда дело было сделано.

– Что, все погибли?

– Разумеется, нет! Мы не звери, принесены только совершенно необходимые жертвы, без которых всё это не выглядело бы убедительно. Вы, сударь командующий армией Империи, сейчас же отправитесь назад. Наши лекари нанесут вам несколько ран...

– Что-о?!

– А как вам иначе поверят? Не волнуйтесь, раны будут неглубокими, а благодаря обезболивающему снадобью вы вообще ничего не почувствуете.

– Хотел бы я, чтобы такое появилось у моих легионных лекарей...

– Будьте уверены, господин командующий, появится, и очень скоро. Теперь всё вообще пойдёт на лад, я не сомневаюсь.

– Вы-то не сомневаетесь, господин Фалдар. А вот я...

– И вам не следует, милостивый государь. Присутствовать на жертвоприношении вам вовсе не обязательно, и вообще, уже пора поворачивать назад. Рассвет совсем близок.

* * *

Говорят, отчаяние черно. Неправда. У него цвет и вкус крови. У тех, кого не успели или не сочли нужным сломить.

Император не говорил себе – я выдержу. Если к нему подступить со всем магически-пыточным арсеналом, кто знает, чем кончится дело, как долго сможет сопротивляться плоть. Однако правителя Мельина, преданного собственным проконсулом, никто не собирался ни пытаться, ни допрашивать. Пленивших его магов куда больше занимала Сежес – вернее, то, чтобы она как можно дольше оставалась бы без сознания.

А возок всё поскрипывал себе и поскрипывал, лошади

равнодушно тащили его по ночной стороне, от деревни к деревне, на север, вдоль вольнотекущего Маэда, то ныряя в глубину предутреннего леса, то вновь выбираясь в поле, под звёзды. Чародеи (а их тут собралось десятка три, не меньше), словно напоказ, не обращали на знатного пленника никакого внимания.

...Остановились, когда на востоке невидимая кисть уже провела блёкло-зелёным по самому горизонту. Река закладывала тут широкий изгиб, с трех сторон обтекая старый расплывшийся курган с дольменом. Маги деловито принялись стаскивать Императора с повозки, ворочая его, словно куль муки. Сеамни яростно зашипела, когда её поволокли следом, попыталась гордо бросить, мол, я сама пойду, однако только получила удар кнутом.

– Заткнись, отродье, – зло посоветовал в ответ волшебник в зелёном плаще Флавиза.

– Эт-то ты зря... – зарычал Император; однако чародей только хмыкнул:

– С тобой, кровопийца, я бы тоже потолковал, будь моя воля. Жаль только, кровь твоя нам нужна для иного. Шагай давай, – и ткнул правителя Мельина в спину кнутовищем.

На вершине холма, возле мшистых камней дольмена, с важным видом застыли пятеро немолодых магов – похоже, именно они заправляли всем действием.

Кое-кого Император узнал. Например, незабвенного Гахлана из Оранжевого Ордена.

– Какая встреча! – Правитель Мельина усмехнулся прямо в лицо старику. – Некогда ты меня лечил, а теперь что, собираешься прирезать?

Адепт Гарама отвернулся, губы предательски дрогнули.

– Глаза прачешь, Гахлан? Зря, ты был хорошим врачом. Я не забуду этого даже с жертвенным ножом в сердце и не стану тебя проклинать.

– Больно я испугался твоих проклятий, отступник, – буркнул Гахлан, однако взглянуть в глаза Императору так и не решился.

Все, кого тащат на плаху или ведут к жертвеннику, делятся на две очень неравные категории. Первые шагают покорно, потому что «всё уже и так ясно»; такие порой оправдываются перед собою даже в последние мгновения тем, что, мол, своим «спокойствием» они выказали презрение палачам, последним предлагалось очень устыдиться с тем, чтобы в дальнейшем со слезами и раскаянием отказаться от подобной работы. Вторые – их ничтожно мало – даже в кандалах и со связанными руками бросаются на стражников, предпочитая честную солдатскую сталь палаческому топору или, паче того, верёвке висельника.

«Ты так верила в Клавдия...»

Сеамни шла следом, гордо подняв голову. Совершенно спокойная, словно ей предстояло просто потешиться забавным представлением.

Бесчувственную Сежес без всяких церемоний волокли по

земле, таща за растрёпанные волосы. Неудобно и непрактично, но, похоже, магам хотелось хотя бы так унижить «предательницу»; очевидно, остальное им запрещал прямой приказ.

Небо медленно зеленело, рассвет готовился вступить в свои права. Сежес грубо швырнули на землю у полузаплывшего дольмена, Император старался стоять прямо, расправив плечи, а Сеамни прижималась к нему.

Чародеи Радуги молчали. Правитель Мельина мог ожидать насмешек, проклятий, злого торжества – а вместо этого мёртвая тишина.

Пятеро старших волшебников чего-то явно ждали.

– Наконец-то, – вырвалось у всё того же Гахлана, когда внутри дольмена мрак сменился неярким серым светом.

Император и Дану воззрились на узкий проход – оттуда один за другим появлялись закутанные в плащи человеческие фигуры, лица скрыты низко надвинутыми капюшонами, рук не видно, подола метут по траве.

Пятеро новоприбывших остановились прямо против пятёрки чародеев Радуги.

– Мы исполнили свою часть, – вполголоса произнёс один из них. Император вгляделся, узнавая: Треор, маг Синего Ордена Солей. Тоже старый знакомец... – Теперь, достойные господа Всебесцветного Нерга, мы ждём, чтобы вы исполнили свою.

– Мы исполним, не сомневайся. – Голос-то какой против-

ный! Словно жаба пытается произносить человеческие слова, изо всех сил растягивая огромный рот. – Положите их перед входом. – Пятеро нергианцев встали кругом возле древних камней.

– Они даже ходят не как люди, – прошептала Сеамни, когда трое магов Радуги, сопя от смешанного с ненавистью усердия, потащили её к дольмену.

Императора толкнули в спину, и он шагнул вперёд.

Что ж, вот он, последний бой. Пусть связаны руки, однако ноги свободны, и сейчас об этом кое-кто очень сильно пожалеет.

– Начнём с неё, – указал на Сежес один из нергианцев. Пятеро адептов Всебесцветного Ордена ничем друг от друга не отличались – ни ростом, ни одеждой, ни даже говором, словно за них всё произносил один и тот же голос. – Но сначала...

Аколиты Нерга составили тесный кружок возле самого входа в дольмен. Раздалось неразборчивое бормотание, и в такт ему серый свет внутри сменился зеленоватым. Сияние разгоралось, оно пробилось сквозь щели меж древними плитами, камни напивались им, в свою очередь источая всё то же гниlostное свечение. Император невольно отшатнулся – холодный свет, казалось, высасывает из всего окрест саму жизнь; попятились и маги Радуги, кто-то – кажется, Гахлан – вскинул было руку, но...

– Всем молчать! – хором прошипели пятеро нергианцев.

Из волн зелёного пламени, забушевавшего на месте дольмена, появилась шестая фигура. Вроде как человеческая, однако она плыла над разом пожухшей травой, не касаясь грешной земли. Огромная голова, тщедушное тело, рук и ног не видно, всё скрыто свободно висящим тёмным плащом.

Сеамни застонала и подалась назад. Кое-кто из магов Радуги поспешил опуститься на колени, другие низко склонились.

Пятёрка старших чародеев Семицветья, наверное, собрала в кулак все силы, чтобы приветствовать новоприбывшего вежливыми, но не подобострастными наклонами головы.

– Всё ли готово? – сварливо осведомилась парящая фигура. Слова человеческого языка давались ему с явным усилием.

– Всё, как и обещано... э-э... величайший, – с явным трудом ответил Треор.

– Так! – удовлетворённо всхрюкнуло существо, окидывая пленников холодным, равнодушным взглядом. – Не станем терять... а-а-а... времени, как это вы называете.

– Тебе страшно, «величайший»? – вдруг с усмешкой проговорила Сеамни. – Ты уже полностью отвык от человеческого тела, тебе ненавистна сама мысль, что слова надо произносить, колебать воздух, вместо обыденной для тебя мыслеречи?

Император, маги Радуги, нергианцы – все в полном изумлении уставились на ту, кого ещё так недавно звали Видя-

щей народа Дану. Все – кроме самого «величайшего». Тень под низким капюшоном полностью скрывала лицо (или что у этого существа имелось вместо него), но правитель Мельина мог сейчас поклясться – могущественный маг Нерга уставился на дерзкую с неподдельным изумлением, переходящим едва ли не в тревогу.

– А, Иммельсторн, – проскрипел он наконец. – Конечно, конечно. Сила Деревянного Меча велика, Видящая. Надеешься на неё и сейчас? Напрасно. Меч покинул тебя, отрёкся от недостойной его носительницы. Очень скоро он окажется в нужных руках, и тогда-то начнётся самое интересное. Но ты этого уже не увидишь, я обещаю.

– Нельзя быть таким самоуверенным, – спокойно бросила ему в лицо Сеамни. – И не стоит думать, что всех на свете можно купить.

– Отчего же? – Кажется, нергианец стал находить в происходящем нечто забавное. – Всегда можно предложить равный обмен. Мы предложили его Клавдию Варрону и не ошиблись. Он продал вас за императорскую корону Мельина...

– Что ж, по крайней мере я рад, что он не продешевил, – сухо бросил Император.

– Ты прав. Варрон не продешевил. И я намерен исполнить обещание.

– Закрывать Разлом и изгнать козлоногих? – усмехнулся Император. – А я-то уже решил, что вы одна шайка-лейка.

Шипение. Так, наверное, усмехалась бы змея, будь она на такое способна.

– Разлом будет закрыт. Мы не заинтересованы в победе козлоногих здесь и сейчас.

– Смотрите, как бы ваш хозяин не разгневался, – словно невзначай бросил Император. Он не мог не заметить, что волшебники Радуги слушают эту перепалку как зачарованные.

– Наш хозяин? Х-ха! Пребывай в этом заблуждении, глупый человек. Развеивать твоё незнание я не собираюсь. Тем более что тебе осталось совсем недолго.

– Да, у вас нет хозяина, – вдруг кивнула Сеамни. – Вы вступаете в договоры и альянсы со всеми, с кем только можно, ведёте двойную и тройную игру и думаете, что сможете остаться над схваткой. А ведь когда-то вы были людьми. Настоящими людьми. Пока не превратили себя... Разлом ведает во что.

– И это всё тебе открыл Деревянный Меч? – недоверчиво переспросил нергианец. Похоже, осведомлённость Дану всерьёз сбила его с толку.

– Считай, что так, – пожала плечами Сеамни. – Но что тебе беспокоиться? Мы ведь все умрём, и очень скоро.

– Да, вы умрёте. А мы получим бесценное знание. У Нерга нет к вам зла, правитель Мельина и его Дану. Нет и к этой чародейке, ей просто не повезло оказаться там, где излилась сила. До внутренних распрей среди Магических Ор-

денов нам дела нет, как и до большинства происходящего в пределах человеческого мира.

– А зачем потребовалось заманивать нас в пирамиду, ты случайно не знаешь? – как можно более небрежно спросил Император, следуя старому правилу – «если тебя затащили на виселицу, требуй, чтобы верёвку намылили как следует и притом самым лучшим мылом, – кто знает, что случится, пока палач будет занят!».».

– Твоё любопытство, человеке, поистине неуместно. Особенно перед лицом ждущей тебя судьбы.

– Но всё-таки, а, всесильный маг Нерга? Ведь для такого мудреца и провидца, как ты, дать ответ ничего не стоит!

– Вас заманили в пирамиду именно для того, чтобы вы её взорвали, – ехидно заявил нергианец. – Когда Разлом и его твари вторгаются в какой-нибудь мир – как тебе известно, миров существует великое множество, – у них есть много способов довести дело до конца. У ваших – и наших, кстати, – врагов всё предусмотрено. Взрыв пирамиды должен был высвободить разрушительную магию. От вашей армии ничего бы не осталось, и солоно пришлось бы многим землям окрест, пусть даже и пустым.

– Но мы остались в живых.

– Да, вы остались в живых. Чем и подарили нам возможность закрыть Разлом. А в живых вы остались только потому, что на тебе, бывший правитель Мельина, была надета белая латная перчатка. Мы знаем и кто носит её пару, знаем, что

он вот-вот появится среди нас; а пока могу сказать, что враг перехитрил сам себя. Перчатка должна была помочь тебе, Император, уничтожить Радугу; после чего Мельин бы пал, причём не понадобился бы никакой Разлом. Однако вмешалась другая сила, – Императору показалось, что в голосе нергианца прорезалась настоящая ненависть, – и первоначальный план козлоногих рухнул. Им пришлось идти по обходному пути, относительно долгому и трудному. Того, кто сумел прорваться в их пирамиду, ждала печальная участь, если бы не их же собственный подарок. Этого они никак предусмотреть не могли. Думаю, что и сами не знали.

– Что ж, спасибо за ответ, нергианец, – надменно кивнул Император. – Теперь я умру спокойно.

– Вряд ли вы, люди, на это способны – спокойно умирать, – заявил «величайший». – Впрочем, ты прав. Эти разговоры бессмысленны. Вы перестанете быть, а Разлом закроется. Нерг же получит... однако это вас уж тем более не касается.

Отданный им приказ, наверное, был беззвучным – никто не услышал ни слова, а пятеро младших чародеев Всебесцветного Ордена разом двинулись к Императору, Сеамни и распростёртой Сежес.

«Величайший» не удержался от нелепого и показательного трюка – заставил бесчувственную волшебницу воспарить над землёй, головой к нему. По двое аколитов встали справа и слева от чародейки, ещё один – в ногах.

– Если ты веришь... – начал было Император, собираясь закончить словами: «в невиновность Клавдия, неплохо бы ему показать себя», и тут предрассветные сумерки вспорола густая стая свистящих стрел.

Иные нашли цель – маги Радуги падали, кто со стоном, а кто безмолвно; другие – воткнулись в землю, на древках с треском горели фитили, пламя быстро перекинулось на холщовые мешочки, сизый дым с необыкновенной быстротой растекался во все стороны, и уцелевшие чародеи зашлись в приступах жесточайшего кашля, падая на колени и хватаясь за горло.

Смесь сгинувшего патриарха Хеона. «Сбор Сежес», немалые запасы которого так и остались в лагере имперской армии. Да ещё, наверное, что-то из арсеналов Баламута, чтобы дыму побольше и растекался побыстрее.

Аколиты Нерга тоже заперхали и захекали, но на них дым действовал, похоже, лишь вполовину силы. Одному из всебесцветных стрела угодила в плечо, тот зашипел, пошатнулся, но остался на ногах.

– А ты не верил!..

– За мной! – взревел Император, бросаясь прямо на нергианцев.

Невидимые лучники засыпали стрелами склоны холма, стараясь не попасть в самую верхушку с дольменом. Дым волнами поднимался вверх, опрокидывая все природные законы, по земле катались задыхающиеся, враз сделавшиеся

совершенно беспомощными маги. Даже нергианцы растерялись. Император отбросил крайнего плечом, попытавшись свободной ногою пнуть «величайшего». Из-под капюшона раздалось хриплое рычание, сапог правителя Мельина налетел на незримую преграду, однако и нергианца отшвырнуло к дольмену, да так, что маг шмякнулся наземь.

А со всех сторон уже лезли разъярённые legionеры: сверкающие серебром латы, наставленные копья, обнажённые мечи. Первым возле Императора оказался Кер-Тинор, ворвался смертоносным вихрем двух кружащихся сабель; один из нергианцев рухнул, обезглавленный, однако «величайший», слабо трепыхаясь у входа в дольмен, вдруг приподнял голову – у подоспевшего следом за капитаном Вольных legionера невидимые когти разодрали горло.

На его месте внезапно оказалась другая фигура, в простом имперском доспехе; аколит зашипел, пригнулся, и с рук его сорвался огненный шар, направленный прямо в Императора, однако legionер оказался расторопнее – прыгнул, закрываясь щитом, и принял удар на себя. Его скutum разлетелся щепками, остатки вспыхнули, воин едва устоял на ногах, пламя перекинулось на тунику, однако боец успел, отбросив наконец бесполезный огрызок щита, ответил выпадом гладиуса, проткнув аколита насквозь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.